

Поэтическая серия «АРЕАЛ»

александр прохоров
АЛКОГОЛИЗМ:
книга стихотворений

www.promegalit.ru

александр прохоров
АЛКОГОЛИЗМ:
книга стихотворений

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Александр Прохоров. Алкоголизм: книга стихотворений/сост. Александр Петрушкин - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2013 г. - 36 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 978-1-304-51242-0

© Александр Прохоров, стихотворения, 2013

© Александр Петрушкин, составление, дизайн, верстка, 2013

А до отправки на тот свет – одна промиля.
И путь недолгий – шаг вперёд, косая сажень.
С утра настойкой самосада отпояли,
Под вечер в путь положат горсть овсяной сажии...
Я выиграл осень в поддавки, я выиграл осень.
На теле рвутся волдыри суконой кожи.
Колоду карт тузами вниз бросаю о землю,
Я выиграл осень. Ветер знает, ветер пожил...
В тумане яблоки глазные розовеют,
Мой город детства как всегда меня покоял...
По костылям усохших северных деревьев
Я разгадал, куда сегодня клонит солнце...
И до отправки на тот свет – щелчок в запястье,
Непроизвольный выброс едких эндорфинов...
Осталось сделать гравировку жадной пастью
На лишком горлышке неполного графина...

Я пришёл в Аргаяш.
Мои руки вихляло, как пламя.
Я поставил на кон
всё, что выше моей поясицы.
Я проснулся в лесу.
я застыл в янычаровой яме.
Не болит голова.
Не хотят разлипаться ресницы.
Что ж ты, хмурый татар,
оценил мою шутку на тройку?
Чем повинен опять
молчаливый застенчивый парень??
Мы играли с тобой
и в шарady, и в пашки, и в покер..
Что ж ты предал меня,
бесконечно российский татарин?..
Я и сам в западню
никогда просто так не стремился.
Колтуны на бровях -
это катышки кровушки блёклой..
Запахло - не в кистях.
запахло в этих пасмурных мыслях.
Что ж ты, пьяный татар,
весь живой, когда я такой мёртвый?..

Грунтовка млечного пути,
Подсветка гаснущих светил,
И неба сочного ломоть,
Да всё не в жилу...
Под звуки лопнувших кадил
Во рту шевелится этил,
И гордость разрывает плоть
Кипящим жиром...

А ну-как, лес, застрекочи,
А ну-ка, девка, помолчи,
Здесь говорят лишь колдуны,
Да мы с крапивой.
Слезами ранки поперчи
Ведь в нескончаемой ночи
Нас провожают лишь луной
И водкой с пивом...

Летит звезда за воротник,
Карман обуглил золотник,
А в сапогах ночует дождь
И тёплый ветер.
Ну почему в такие дни
Сны не такие, как у них,
И в голове сверкает рожь
Тысячелетий...

Лови-ка пулю, мой родной,
И не опрыскивай слюной
Свою глухую седину,
Свои морщины..
Тебе от боли головной -
Мне от «вино и домино»,
Но до усрачки будем гнуть,
Больные спины.

А вот и космос заплясал,
Вернувшись с корабля на бал,
Я поперхнулся коньяком,
Расхохотался.
В гробу подушку искусав,
Я три ночи совсем не спал,
Я до своей звезды пешком
Дойти пытался.

Но там поникшая трава,
И там не будут целовать
Ни за рубли, ни за мои
Хмельные речи..
И я вернулся в свой подвал,
И там встречали на раз-два
Того, кто встретит за свои
Апрельский вечер.

Запей коктейлем но-шпу,
Сломай цикаде ножку.
Влюбись в больных проказой,
Взорвись античной вазой,
Трепись о чём попало,
Пей клюковку на Алом.
Расправь худые плечи,
Залезь ноздрей на крючья,
Не жалуйся на печень,
И не ропщи на тучи.
И будешь гениален.
Как детище раввина.
Как снежная лавина.
Как взвинченный татарин.

Обыск. В твоём чемодане
Обнаружен фарфоровый Гитлер.
Он грустно сверлит глазами
Как ты пьёшь последний литр.
Осень. В твоей постели
Из гостей никто не проснулся.
И ты снова такой осенний,
Что нет ни зрачков, ни пульса.
Очки. От твоих любимых
остались одни предметы.
И запах Герцеговины
Флор на каждый квадратный метр.
Орден. Твоих достоинств
Хватило б на город-миллионник.
Но мегаполис тебе по пояс,
Поместится в три-четыре ладони.
Окурок. Твой рот девчачий
Пропитался размокшим окурком.
И опять он чего-то клянчит.
Как минимум - водки утром.
Осколком... Теперь не в моде
Танцы, косули, соки...
Стоп. У меня в колоде
Умер последний джокер.

Этой ночью гномы украдут твой никель,
Заберут твой завтрак, разорвут твой китель,
А луна увязнет в грядке земляники,
Чтоб ты спал спокойно, мой подземный житель.
Чтоб тебе приснились горы апшалачи,
В мутном флаге неба чтоб сверкал окурочок.
Чтобы захлебнулись дети в страшном плаче,
А из глоток нищих поползли кушоры.
Этой долгой ночью ёкнет сердце бога.
Оттого, что в мире станет очень тихо.
Никаких раздумий, никакой тревоги.
Только вкус тумана с ноткой земляники...

Голубь выключает печень голубю.
Тина сплетётся с другою тиною.
Тем, кому весело - вечно холодно.
Тот, кому жаль - в пустыне стынет.
Левый глаз посылает правого,
Правый глаз капилляры доит.
Выпей чайкУ с уральскими травами.
И раскопай в себе Трою.
Спрятала нас малая родина.
Тёплым горчичником липнет небо.
Вдоль-поперёк оно уже пройдено.
Там и ходить-то вообще-то некому.
Утром - рутина, вечером - следствие.
Длань чешет голову, рот смеётся.
Там, где когда-то дрожало сердце,
Нынче распорото солнце.
Пальцы разрушат твоё постоянство.
Голубь тебя загрызёт в подъезде.
Ты оборудовала мне пьянство,
Не изменить встречи место.
Гладь тараканов, шепчи стихи им.
Скоро rızdez. Вот такая шутка.
Я не алкаш. я простой алхимик.
Слышишь? тепло поползло к желудку.

МАЯКОВСКОМУ

Хорошего рая должно быть мало...
Чуешь, пахнуло зимой?
И это не снег, не небесная мана.
Просто проснулась моль.
Просто внутри у тебя шевельнулась
И задремала мышь.
Слышишь тоску обезглавленных улиц?
Слышишь? А это лишь
В ржавые трубы попала зараза
Чистой сырой воды,
В небо вживили убогие стразы
Звёзд. Вместо млечных дыр...
Хорошего рая должно быть мало..
Чуть больше, чем добрых слов.
Воздух гниёт у меня в карманах.
Вакууму назло...

Где в кармане укутался шиш,
А дома уползли из-под крыш,
В мутных водах надуманных снов,
Рос я добрый, надрывный, мясной...
Рос до боли в костях, неуклюж.
В гамаках обезжиренных луж,
Откликался на свист воробьёв.
И охотился с ними на сов.
Упакованный в дедов пиджак,
С детворой был всегда на ножах.
И косился на патлы травы.
И мечтал ею стать, но увы,
Я так сильно привык к октябрю...
Я устал от отглаженных брюк.
На лице проросла борода.
Скулы страхом свело. И тогда
Все мечты устремились к нулю,
Я стал зол, неухожен и лют.
Я забыл про залиvistый смех.
Мир вокруг поморгал и померк...
И лишь где-то в далёком углу,
В самом страшном и тёмном углу,
Я сопел, завернувшись в тулуп.
Я всё также был светел и глуп.

Когда испарились твои последние слюни, с неба посыпались красные кровяные тельца. Потому что били тебя. По зубам, по шее. Отродясь не били. А сегодня били. Не там ты, братец, решил жизнь свою преодолеть, думалось глупым синичкам на ветках. Не там, не там, перешёптывались сами ветки. А ты был угрюм и смотрел внутрь. Там ещё мельтешили картинки из толстого томика бытия... Папа, мама, слон, жираф, круг, линия, точка. Гармонь не умолкала всю ночь.

В. Дубиковской

Ты не пахнешь красивой одеждой.
Ты укуталась в тару попроще.
Ты поплачешь и сдохнешь. А мне что?
Мне приснятся сосновые рощи.
В этих рощах парят пеликаны.
Дети ловят стрекоз волосатых..
Плачут звери слезами вулканов.
И чифирь подаётся на завтрак.
Там поля медоносных растений
Воспитали в себе добровольцев.
И сочатся, сочатся по вене,
Нарывая, как новое солнце..
Ночью феями эфы резвятся.
Феи скорую ищут погибель.
И мелькают в убийственном танце
Переломанных пальцев изгибы.
Но тебя там не будет, конечно.
Ты бы, верно, была там излишней...
Ты не пахнешь красивой одеждой.
Но ты мною пропахла поди что...

любая волна кончается.
вот и мы уже видим гальку.
мечта в полудрёме чалится,
воробей улетел на Мальту.
уродливы все фамилии,
на ветер сгоревший справочник.
семь глаз на туманных лилиях -
в кроссвордах тифозных палочек.
гордые мы, невесомые,
покуда нам хлеб не выснится.
крестимся хромосомами,
сбрендим, покуда выспимся.
главное чудо - азбука.
далее - арифметика.
ты - гражданин без паспорта.
я - живородок медика.
я - продолжение дворника,
я постепенно, с лестницы..
выпустят нас с опорника,
мы с тобой перекрестимся.
скалимся, воздух хапаем,
по-панибратски с воздухом.
с нас капли пота капаят,
звёзды уже на подступах...
руки уже на скатерти,
ноги уже в комаринской,
фосфор в глазах у матери,
мать не в ладах со старостью.
всё впереди, всё сбудется,
губы пропахнут тальком...
мы ими поцелуемся.
через три метра - галька.

Пропал Сашка.
Ни в запое его, ни в извести.
Проваландался в юности,
показал кукиш старости,
Отупел от жары и сырости.
И как в воду канул.
Искали его всем скопом.
Использовали микроскопы.
Копались в его пожитках.
А там - чернозём и улитки.
Пытались столы вертеть.
Старались молчать, как велено..
Вряд ли он мог умереть.
Вряд ли среди расстрелянных..
В берестяной короне
Едет на мёртвой корове.
Вот же он! - Разве нет?
То чертополоха цвет..
А этот, с зонтом и с букетом?
Это уральское лето..
Пропал, пропал,
говорили бабки,
писали в газетах,
давали объявления,
но!..
ни письма, ни появления.
сидит где-то мёрзнет,
спирт кончается.
В нелепой позе
и сам скончается.
Э! Слышь! Ты хорош так базарить!
Перышком легче,
Глазками чётче..
Забьются носы -

Александр Прохоров

Столкнёмся носами,
И Сашка рядом..поставит прочерк.
А в небе снова букеты ромашек.
Так вот же он! Вот он, Саша!..

Гибнут женщины от астмы, ждуг ласки. Готовы отдать паспорт. Готовы вступить в связи. Готовы на всё, лишь бы по совести. Только бы не мучиться, не пить негашёной извести, не ждать каждодневно нехорошие новости. Не привыкать к гробам. Не быть столпотворением одиноких баб. Скучно им задышаться в переполненном троллейбусе. Где электрический голос говорит названия. Где всем плевать, кто не вернётся из армии. Кто бумажкой приснится и никогда не нащупает дверь. Как им теперь? Давятся женщины от астмы. И новый год уже не праздник. И бьют они по лицам старух. За то, что те не повесились. Когда прожили жизнь за двух.

Удивлённые клоуны с кирпичной крошкой,
с крошкой-хавропкой, с товарищем
и простой человеческой безбоязненностью
устремились вон.

Эх, ловили ведь в своё время секунды на удочку.
Как-то даже запинали гвоздь под тумбочку, и вместе с ним улыбочку
тормошили восточными иглами. А мы,
честно говоря, просто обосрались,
впервые увидев распростёртые объятя.

Воробьёв мёртвых в своей кровати.

Ужи и папоротники уже были готовы стать нашими скелетами.
Уже телогрейки и ватники становились чем-то навроде портретов.
Сожалели, но сажали. Кого в тюрьму, кого в землю.
Неурожай случился в тот год, ты уж поверь мне.
Тараканы приноровились тискать хлеб.
Иностранные завоеватели принялись искать под половицами дев.
В погребках их и сжигали. Со всеми их иностранными медалями.
Только сосуды лопались и боекомплекты портили униформы.
А остальное - за кадром. Как неинтересное порно.
Так мы и проворонили ответ на несущественный вопрос -
А кто за пазухой то? Кто угадал предрасположенность звёзд?
Ай, дак ведь и тут вопросов тьма -
Ответ ищи в стого сена, спрятанного в карман.
А удивлённые клоуны всё равно бы проигрались.
Даже если б мы их не расстреляли.

Смотришь на меня как на брата
Каина. А ты то сама то
пьёшь с олигофреном Аркашей,
пьёшь не на свои, не на наши.
Жаждишь охиенного утра,
Станет оно лучше как будто,
чем твои густые реснички,
приютившие по синичке..
дело-то твоё, кто поспорит.
письма для тебя – на заборе.
Я не очумел. Просто жутко
от твоей удавленной шутки.
Чётко ты их всех обманула,
падая со мною со стула.
стали мы огрызками трассы,
и лишь этим утром погасли.
Вторники у нас изменились.
Брось, гусыня, я ведь не Нильс.
Я ведь не кисейная..в курсе,
что мы нынче небом закусим??
Что мы будем хавать друг друга,
и пускать друг друга по кругу,
и лелеять наших знакомых,
выгнавших в 5:30 из дома.
Это ведь и нам даже диллер
Не покажет рай в крокодиле.
Крёка жажнешь ты, или грога -,
Главное, чтоб был верный слоган.
Так что ты давай, не пизди-ка,
просто будь моею, гвоздика,
лей свои горячие слёзы,
принимай утрюмые позы,
шевели моими усами,
мол, кто против нас?? это с нами.

Александр Прохоров

С нами расстанутся навеки
чуждые врагам человеки.
Грустные глаза их мелькают,
я их хватя за ноздри руками,
я их бью как чёртову утварь,
эй ты где там, новое утро??
Где ты, моя первая леди??
Я ведь должен был стать последним.
я хотел не просто развлечь их,
но и плагнуть в них в этот вечер..
нет, не наше время пока что.
Время пауз можешь закаплять.
вот два стопаря. Как спасибо.
За ничтожность наших улыбок.

Жене Шёлокову

и ты оказался печальнее неба
и глубже байкальских вод.
я понял, но позже,
что ты - это невод,
а вовсе не мост и не брод.
я ждал тебя долго, я ждал тебя жадно,
а ты заблудился в лесу.
всю ночь под подушкой елозили жабы,
и кровь копошилась в носу...
типичные признаки самораспада,
типичный закат без тебя.
и мусор не хочет ни слёз, ни отгадок.
вас много, нечаянных ребят..
и ты вот случился печальнее неба
и глубже барсучьих нор.
пока. я тебя не забыл. я приеду.
как только напьёмся в говно..

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Ты начинался с пианино
И мнимым был для лёгких пуль.
Июль попахивал кониной
И солнцем бил из катапульт.

Жевали маки облаками
бога, забывшие про вас.
И лился вальс. Крошёнй камень
Глотал твой профиль и анфас.

Ты не вернёшься в эти реки.
Они забыли про тебя.
Остались сны и телогрейки.
А в них земля. земля. земля.

ДРУГ ДЕТСТВА

Ни пуха тебе, ни пера под ребро, бро...
Сиди да гляди, как приятель грызёт хлеб..
Любой мой визит превращает твой дом в гроб.
Любой наш загул превращает твой гроб в хлев.

Но мне без тебя - ни туда, ни сюда. Слышь?
Сижу на одном. Разбавляю вином спирт.
Я снова попал в переплёт. Нужно пять тыщ.
Опять я тебя опозорил на весь мир..

КОНЕЧНАЯ ЧТЗ

Трамвай протаранит воздух лающим нервным кашлем.
У кольцевой на лавке баба икнёт немая.
А водка подорожала. Что скажете? По нуу, пляшем.
Проводим бутылку в урну под кашель сухой трамвая.
Народ во вторую смену, гляди, семенит, унылый.
Прокуренной рожей серой - один как близнец другому.
В авоськах пюре с котлетой, куски развесного мыла.
А здесь, на скамейке, праздник. Душевно, хотя и скромно.
Губа у меня не дура, дрожит выпуская песню,
У песен есть стойкий запах - сирени и ацетона.
Ещё, гражданин хороший? Евало у вас не треснет?
Ах, вы со своею тарой? И тара у Вас бездонна?
Тогда вам большое «здрасьте». Присаживайтесь, держите.
Привыкшие к пуху ноздри раздулись как флаги в мае...
Вам скажет любой ребёнок. Что я здесь почётный житель.
И подтвердят мой статус водители всех трамваев,
Которые мчатся мимо, как наши бутылки в урну..
И кашель у нас похожий. И рожки красны и мяты...
И есть среди нас калеки, бродяги, воры и курвы..
Но все мы - поэты жизни, враждующие с закатом...

ПРАЗДНИК

Язык мой, как толстая иволга,
Покинул родные места.
Я губы свои для вас вырыгнул,
Чтоб вам ими водку хлестать.
Я мял свои щёки мизинцами,
Пытаясь блядям угодить...
И плакал слезами с корицею
В их тонкий разрез на груди.,
Горячая мягкая радуга
Сочилась из ихнего рта.
Никто никого не порадовал.
Мой взгляд был - как брошенный танк.
На тонкое сердце распухшее
Напили заплату земли.
Лисицы лицо моё кушали,
А мне им хотелось налить.
И жёны рядили, как кончится...
Съев очередное дитя,
Сосали своё одиночество,
Курили мужей не в затыг.
На лицах блуждало сомнение
И прыгало в глубь кошелька.
А я с ними шёл через тернии,
Ускорив при этом свой шаг.
Комично забив одиночество,
Я пил во дворе со шпаной.
Надеясь, что это закончится -
И лето. И я. И вино...

Я снова увидел сон.
И ты от меня в нём лицом.
И дым в нём по левую руку.
И слышно стрельбу, но лишь внутренним ухом.
И бронзовый свет из квадратика окон
В набате полопавшихся волокон
Где-то в груди. Или в правом виске...
В глазах моих, как скорпионы в песке,
На цыпочках властвует сон,
Страшней, чем горячий песок.
И я его видел раньше,
И он у меня тебя клянчит.
А я, несмотря ни на что,
Иду по руинам пешком.
А люди полнят автобус,
И каждый их рот - как пропасть
Наших природных качеств.
От них я уже не спрячусь...
Ведь знаю, что сбудется сон,
В нём крик мой, увы, невесом.
И ты от меня в нём лицом...

Одежды, одежды, одежды...
В одеждах зятя, в одеждах клоуны,
В одеждах зевают, в одеждах режут,
И даже не снятся по уму...
Одежда – сексот, одежда – кривляка,
Одежда по два и по десять.
И всяческий всяко, и прочие всяко,
И также как каждый месяц.
Одежда ругает. Одежда прикроет.
На каждом кипит одежда.
На ком-то дрезина, кому-то не вровень,
Кому-то натрёт промежье.
Одежды, одежды, одежды...
Проклятые, режут по воздуху.
Теперь появляюсь реже.
Теперь изнасилован комнатой.

ЛЕТО

Канцерогенное лето по канцелярским предметам,
По крыше дома покатою, по похоронке без даты,
По кривощёким бульдогам, по дуракам и дорогам,
По женихам и невестам, по всем отдельно и вместе
Канцерогенное лето.

А нас с тобой больше нету,

Товарищ с голосом рыбы, адепт печальных улыбок...

и как-то неожиданно исказилось моё собственное одному мне ясное и доступное «я». К тому самому моменту, когда не изобрели ещё АТП. В новой вечности отчего-то все желали быть непременно счастливыми. И непременно живыми. и даже изжеванная кем-то бумага была чем-то больше, нежели томик Чехова. раскусили меня сограждане. исказилось моё «я». сытым всегда тяжело дышится. а я уснуть не мог. от громких вдохов.

а глаза у него совершенно не детские. добрые такие глаза. ну, совершенно не детские. детские они с поклоном и цвета волчьей ягоды. а у него - словно два одуванчика. две заплесневелых мандаринки. два серых облачка. словом, глаза - уходящего старика. с кислинкой...но какие нежные...

и все мои пиджаки стали затасканными. за долгие часы рукопожатий. в застольных объятиях. на пьяных танцах сносились, затаскались мои пиджаки. серый и зелёный мои пиджаки. про такие говорят - затасканные. а я рад был. рукопожатиям. объятиям. танцам этим, в конце-то концов...

ССОРА С С.

А ты меня не одноглазей,
И не бессмысленней ничуть.
Ты – не двуличнее, чем Азеф,
И не опаснее, чем ртуть.
Втянула лакомые плечи,
К утру улыбка порвалась,
Как друга вызревшая печень,
И наша кукольная связь.
Дверной глазок таил обиды,
Который день пушился хлеб..
И телефон лежал убитым
На перечёркнутом столе.
И было холодно. И тихо
Соседи лаяли: займи?
А небо – сумрачно и рыхло -
Напоминало вкус земли.
Ведь ты достаточно угрюма,
И недостаточно пьяна.
Хотя пьянеешь с пары рюмок
В глуби прокуренных пенат.
Ты бьёшь в пупок и чуть правее,
Как свежавыжатый первач,
И от тебя цветами веет,
Когда снимаешь мокрый плащ.
А я плевал. Лежал как штопор,
Гоня рюмку вверх и вниз.
Я целый день глаголы штопал,
И гнал прозрачность из глазниц.
И снился сон: стальные чайки
Трепали щёки мне и рот.
Рваньём шептал тебе: Прощайте.
Прощайте, милый мой урод...

Но ты меня не одноглазей
И не прерывистой ничуть...
Ромашки выпали из вазы,
И ангел хлопнул по плечу..
И бесконечным злобным эхом
Качель визжала на ветру.
Запой ушёл. Трамвай уехал.
Я этим летом не помру.

Бендюжники пьют за туман, за осень,
Вороны слетаются чёрной сотней,
И в позе четырнадцать/восемь-восемь
Насилуют пьяного в подворотне.
Крепчает мороз и скрипит по коже,
Лицо утонуло в моей улыбке.
Назавтра меня в тёплый гроб положат,
И будут качать под мотивы Шнитке.

Угощали меня горьким повидлом,
Уличали в недописанных письмах...
Умирали, потерявши из виду,
И поили переваренным рисом

Но нет нынче времени на поминки,
И солнечный зайчик хрипит под лаптем.
Бендюжники воют уже от синьки,
Но не ускользают от трупных пятен.
И нивы горели, и ветер шарпал,
И сколько-то было блядей под боком.
А вечером облако медным кляпом
Просунулось в горло и стало горько.

Оторвали мои хилые косы,
Подарили мне карманный фонарик.
Я не лез к вам, а всё ж обжётся.
И невесть, что земле подарят..

В товарном вагоне к нам едет солнце!
Мотает его по краям Урала...
Мне снится (с чего бы?) товарищ Троцкий,
Целующий пьяную Фриду Кало.
Но что-то бендюжники приутихли,
Над миром царит беспросветный праздник..
А снег будет рыхлый, тяжёлый, рыхлый..
И завтрашний день только он украсит.

...Что тебе надо? О чём ты молчишь?
Лучше бы мне польхнуть от курева...
Слёз наших горькие льются ручьи.
Грозно хохочут под люстрой фурни..
Грустно, конечно, но всё же ту way
Пахнет полынью, густыми соснами.
Всё, что роится в моей голове -
В мире зовётся осенью.

СОДЕРЖАНИЕ

А до отправки на тот свет – одна промиля... /3/
Я пришёл в Аргаяш... /4/
Грунтовка млечного пути... /5/
Запей коктейлем но-шпу... /7/
Обыск. В твоём чемодане... /8/
Этой ночью гномы украдут твой никель... /9/
Голубь выключает печень голубю... /10/
МАЯКОВСКОМУ /11/
Где в кармане укутался шиш... /12/
Когда испарились... /13/
Ты не пахнешь красивой одеждой... /14/
любая волна кончается... /15/
Пропал Сашка... /16/
Гибнут женщины от астмы... /18/
Удивлённые клоуны с кирпичной крошкой...
/19/
Смотришь на меня как на брата... /20/
и ты оказался печальнее неба... /22/
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ /23/
ДРУГ ДЕТСТВА /24/
КОНЕЧНАЯ ЧТЗ /25/
ПРАЗДНИК /26/
Я снова увидел сон... /27/
Одежды, одежды, одежды... /28/
ЛЕТО /29/
и как-то неожиданно исказилось... /30/
ССОРА С С. /31/
Бендюжники пьют за туман, за осень... /33/
...Что тебе надо? О чём ты молчишь? /34/

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Прохоров.
Алкоголизм: книга стихотворений

**Составление,
вёрстка, концепция серии:**
Александр Петрушкин

**www.lulu.com
www.promegalit.ru**

Подписано в печать 5.10.2013 г.
Формат: 148x200 1/16
Тираж: 1000 экз.

« P { margin-bottom: 0.21cm; }
Расспровавшись со всеми удалыми коллективами, сколоченными на манер пьющих ВКП(б)шников, пришёл к выводу, что слух требует иных напевов, а абстиненция не только не делает глупее, но и бережёт мои нежные человеконенавистнические флюиды. Позволил себе самопально записать порядка семи сборников (от “17-ти мгновений предсмертных судорог” до последнего “Убить пересмешника”). После чего на душе стало гнусно и я увлёкся экспериментами с водкой. Оттого-то, наверное, мир показался немного добрее, а песни всё больше стали походить на кладбищенские романсы. Периодически концертирую по просторам Челябинской области, мрачноватого Екб и в значных местах по типу аллей и парков, пользуясь переменным (и весьма сомнительным) успехом у винно-водочных изделий и товарищей по цеху.»